

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТЭССА Рай

18+

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Друг

МУЖА

ИЗМЕНА С БОССОМ

Тэсса Рэй

Друг мужа. Измена с боссом

<https://litres.ru/73835704>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Я чем-то больна?

Это мой голос? Не узнаю его. Меня как-будто колючими тисками сдавили.

– Это не заболевание. – Быстро поправил меня врач. – Это биологическая несовместимость конкретной пары.

И тишина. Я слышала, как тикают часы на стене в деревянном корпусе.

«Биологическая несовместимость». Как так? Разве такое бывает?

– В нашем случае, – продолжил доктор, – титр антител у вас крайне высок. При таком уровне Естественное зачатие в данной супружеской паре, к сожалению, невозможно. Совершенно исключено.

– Доктор, – мой голос сорвался. – Про несовместимость. Не говорите моему мужу. Пожалуйста.

– Каролина Андреевна, скажите вам нужна помощь? Другого рода. Психологическая поддержка? Или

Он намекал на семейный абьюз. Причем, предельно ясно. И от этой ясности мне стало еще страшнее. Если это видно

постороннему, значит, это уже написано у меня на лице. Значит, я ношу это на себе, как клеймо.

Содержание

1	5
2	11
3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тэсса Рэй

Друг мужа.

Измена с боссом

1

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Книга содержит очень откровенные сексуальные описания (МНОГО!), сцену принуждения, а также темы, связанные с употреблением алкоголя. Все действия персонажей, являются частью художественного замысла; автор не пропагандирует и не одобряет подобные привычки.

Кабинет пах стерильностью и дорогим кофе. Не просто чистотой, а той, что стоит денег, ощущается кожей.

Мягкий кожаный топчан, на котором я сидела, подобран в тон дубовым панелям, а за массивным столом доктор Боженов – живая легенда, к которому записываются за год.

Мой муж, Эдуард Мирошников, конечно, устроил всё в неделю. Для жены – лучшее. Всегда лучшее. Золотая клетка с бархатной подстилкой.

Я машинально разгладила складки на юбке от того самого итальянского бренда, который Эдуард выбирал сам. Руки холодные. В ушах еще гудит его утреннее:

– Выясним всё раз и навсегда, Карочка, кто виноват. Доктор разберется.

В его голосе не было заботы, только нетерпение, стальное и холодное. Дверная ручка в нашем особняке и та теплее.

Доктор Боженков смотрел не на меня, а в стопку бумаг, УЗИ, результатов обследования. Его лицо – маска профессионального спокойствия, но уголки губ поджаты чуть плотнее, чем надо.

– Каролина Андреевна, – начал он, голос мягкий, приятный. – Мы провели полное, всестороннее обследование. И вас, и вашего супруга. По отдельности репродуктивные функции организма... в пределах нормы.

Он сделал паузу, доставая из папки лист с графиками и цифрами, которые для меня – лишь черные завитки на белом.

Я зацепилась взглядом за эту фразу. «В пределах нормы». Значит, дело не во мне одной. Все эти два года упреков, эти взгляды, полные презрения, когда очередная полоска теста оставалась белой... Не я одна!

– Однако, – доктор откашлялся, – когда мы говорим о зачатии, важна не только индивидуальная функция, но и совместимость партнеров. Иммунологическая совместимость. Упрощенно... организм женщины порой распознает сперма-

тозоиды конкретного мужчины как чужеродные агенты и вырабатывает против них антитела. Они обездвиживают сперматозоиды, не дают им выполнить свою функцию.

– Получается, я чем-то больна? – это мой голос? Не узнаю его. Меня как-будто колючими тисками сдавили.

– Это не заболевание. – Быстро поправил меня врач. – Это биологическая несовместимость конкретной пары.

И тишина. Я слышала, как тикают часы на стене в деревянном корпусе.

«Биологическая несовместимость». Как так? Разве такое бывает?

– В нашем случае, – продолжил доктор, – титр антиспермальных антител у вас крайне высок. При таком уровне... Естественное зачатие в данной супружеской паре, к сожалению, невозможно. Совершенно исключено.

«В данной супружеской паре». Эти слова звенели в висках. Не «у вас», а «в данной паре».

Мы с Эдуардом. Мы – это единое целое для внешнего мира, для юристов, для светской хроники. И это целое – биологически бесплодно.

Я видела губы доктора, которые двигались, произнося что-то еще про вспомогательные репродуктивные технологии, про ЭКО, про возможные, но сложные и не гарантированные пути. Но его голос превратился в отдаленный шум. Я его не слышала.

Вместо этого я слышала голос отца, торопливый, убежда-

ющий: «За Эдиком, дочка, как за каменной стеной!»).

Видела лицо Эдуарда на поминках – сжатое, бледное от ярости, когда адвокат огласил условие завещания: состояние отца перейдет не мне, а моему будущему ребенку.

Каменная стена в тот миг превратилась в стену тюремную. А теперь... теперь сама природа поставила на нас крест. Нет ребенка. Не будет. Никогда.

Я поняла, что доктор ждет ответа. В его глазах – жалость, которую он старательно сдерживал.

Он знал, кому я жена. Знал, вероятно, больше, чем мне кажется.

– Доктор, – мой голос сорвался, стал тихим и прерывистым. Я схватилась пальцами за край стола, чтобы они не дрожали. – Пожалуйста... Об остальном... о том, что все в порядке в целом, вы ему скажите. Но это... про совместимость. Чтобы никто не знал. Никто. Пожалуйста.

Я почувствовала, как по щеке скатывается предательская слеза, быстрая и горячая. Я не стала ее вытирать. Позор уже не имел значения.

Имел значение только страх, сковавший живот, при мысли о том, что Эдуард узнает правду. Узнает, что именно наш союз, этот скрепленный печатью и деньгами союз, даже сама природа отвергает.

О, его ярость будет беспредельной!

Доктор Боженков смотрел на меня. Его профессиональная маска дрогнула. В глазах мелькнула борьба.

Человеческое сострадание наткнулось на профессиональный долг и, без сомнения, на очень крупный счет, который ему уже оплатили за срочность и абсолютную конфиденциальность. Он был обязан сообщить всё заказчику, то есть моему мужу. Всё, за что заплатили.

Молчание длилось мучительно долго. Он вздохнул.

– Хорошо, – тихо сказал он, осознавая все риски этой уступке. – Я подготовлю два варианта заключения. Одно – для вашего супруга, с данными об общем здоровье. Другое... полное. Для вас. Оно будет храниться здесь, в моем личном сейфе. До вашего слова.

Я кивнула, не в силах вымолвить что-то еще. Облегчения не было, была только зыбкая, хрупкая передышка.

– Каролина Андреевна, – его голос смягчился еще больше, стал почти отеческим. – Скажите... вам нужна помощь? Другого рода. Психологическая поддержка? Или... – он осторожно подбирал слова, глядя на мои белые костяшки, впившиеся в дерево, на мою скованную позу. – Иногда семейные проблемы имеют разные грани. И существуют организации, специалисты, которые помогают их решать. Деликатно. Конфиденциально.

Он намекал на семейный абьюз. Причем, предельно ясно. И от этой ясности мне стало еще страшнее. Если это видно постороннему, значит, это уже написано у меня на лице. Значит, я ношу это на себе, как клеймо.

– Нет! – вырвалось у меня слишком резко, слишком по-

детски. Я сбивчиво, торопливо начала объяснять: – Нет, все не так... просто... мне нужно время. Это пережить. Осмыслить. А потом... потом я сама. Я самаему скажу. Когда оправлюсь. Это не займет... много времени.

Это была ложь. Невозможно быстро и легко оправиться после такой новости. И мы оба это знали.

Доктор медленно кивнул. Не в согласие, а скорее как констатацию: «Я тебя слышу».

– Я сделаю всё, что в моих силах, – повторил он. – В рамках... нашей с вами договоренности.

Прием был окончен. Я встала, собрала сумочку, машинально поправила юбку. Чувствовала его взгляд на своей спине – тяжелый, пыливый.

Он смотрел не на пациентку, а на женщину, запертую в идеальную, безвыходную ловушку.

– Спасибо, – прошептала я, уже у двери, не оборачиваясь.

Он ничего не ответил. Молчал, будто пытаюсь придумать, как оказать настоящую помощь, которую он, по профессиональному долгу, предложить мне не мог.

Я вышла в коридор.

Лучшая клиника. Лучший врач.

Худший приговор.

Остановилась на верхней ступеньке и вдохнула полной грудью. Воздух был прохладным, с примесью городского бензина и далекой сырости от реки. Этот глоток свободы, единственно возможный, длился лишь секунду.

«Мерседес» уже стоял у тротуара. За рулем – Игорь. Не просто водитель. Он страж, часовой, и его ежедневный подробный доклад Эдуарду был такой же неотъемлемой частью работы, как и вождение.

Я скользнула на заднее сиденье. Ровно через минуту, как будто в нем был встроен таймер, зазвонил мой телефон. Эдик.

– Ну как? – его голос прозвучал в трубке без предисловий, как всегда требовательный. – Что сказал Евгений Викторович?

Я сжала телефон влажной ладонью. Голос, который я себе выработала за эти два года – легкий, чуть усталый, послушный – включился почти автоматически.

– Все в порядке, Эдик. В общем и целом. – Я сделала небольшую, искусственную паузу, чтобы вдохнуть, будто волнуясь. – Он говорит, что я... что мне нужно меньше нервничать. Что на фоне стресса может быть такое. Прописал витамины, режим.

Я замолчала, давая ему переварить. Никакого угрызения

совести по поводу лжи я не чувствовала.

– И все? – в его тоне звучало недоверие. – Только и всего? Он лучший специалист в стране.

– Он и сказал, что все анализы... у меня хорошие, – я сделала ударение на последнем слове. – Что нужно время и... спокойствие.

С другой стороны повисло молчание. Я слышала его ровное дыхание. Мозг лихорадочно крутил пленку возможных реакций: взрыв, холодная ярость, немедленное требование поговорить с врачом лично.

– Ладно, – наконец произнес он. Поверил. – Витамины купим, какие скажут. Не задерживайся сегодня на работе. – Он произнес это слово с легкой, ядовитой усмешкой. – Вечером будем снова пробовать. Врач же сказал – меньше стресса. Значит, нужно больше стараться.

От этих слов меня бросило в дрожь. По коже пробежали мелкие, ледяные мурашки.

Супружеский долг уже много месяцев не имел ничего общего ни с желанием, ни с близостью. Это был механический, озлобленный акт.

Каждый такой вечер был наказанием. Молчаливым, унижительным, после которого я часами лежала в своей идеальной спальне, глядя в потолок и чувствуя себя абсолютно опустошенной.

– Хорошо, – прошептала я в трубку, уже не в силах выдавить из себя ничего другого.

Он сбросил, не прощаясь.

Я опустила телефон на колени и уставилась в окно.

Дрожь потихоньку отступала, ее сменяла знакомая апатия. Но сегодня поверх нее стала пробиваться мысль: так больше продолжаться не может.

Пока Игорь бесшумно вел машину по знакомому маршруту, я закрыла глаза, делая вид, что дремлю.

Начала перебирать осколки своего существования. Ключи от дома? Нет, это был не мой дом. Свои деньги? Смешная сумма на карте, которую он все равно видел. Друзья? Они давно отсеялись, отваженные его холодной вежливостью или моей вынужденной изоляцией.

Оставались только пара подруг-коллег и моя пятница. Бар «У Тамби», микрофон и несколько старых, заезженных песен.

Я не знала, что делать. Не знала, как сломать золотую клетку, не имея в руках ни одного инструмента. Но знала теперь наверняка, что ребенок – тот долгожданный наследник, который удерживал Эдуарда от окончательного падения в жестокость, – не появится никогда. А значит, эта клетка скоро может превратиться в нечто иное. В склеп.

Сбежать?

Даже, если получится, я не могла оставить маму одну.

После смерти отца у мамы, Лалы Демидовны обнаружили микседему. Сложное, дорогостоящее лечение, курс новых препаратов, постоянные консультации эндокринолога – всё

это пока оплачивал Эдуард.

С моей зарплаты и тайных накоплений хватило бы разве что на аптечные витамины. Мысленно попытавшись подсчитать, я с ужасом поняла, что даже съем комнаты на окраине города отбросил бы нас с мамой за грань выживания.

Я была привязана к Эдуарду не только страхом, но и этой материальной зависимостью, которую он, конечно, держал в уме как один из козырей.

Словно почувствовав мою тоску сквозь километры, позвонила мама. Ее голос, всегда теплый и певучий, даже по телефону сохранял восточное, убаюкивающее спокойствие.

– Доченька моя, – сказала она, не спрашивая “как дела”. – Я по тебе соскучилась. Приезжай, я приготовлю гранатовый шербет, который ты любила в детстве.

Прижав телефон к уху, едва не расплакалась от этой простой ласки.

Я быстро согласилась, уже выстраивая план в голове: сегодня пятница, я сбегу на “кулинарные курсы”, отыграю свой тайный вечер в баре у Тамби, изолю душу в микрофон, а потом – к маме. Хотя бы на пару часов. Мой луч света в крошечной тьме.

Но следом, как всегда, подполз главный вопрос: как отпроситься у Эдика? Стандартное “у меня курсы” могло не сработать, особенно после визита к Божену и его “рекомендаций меньше нервничать”.

Эдуард мог настоять, чтобы я осталась дома, обеспечивая

тот самый “покой” и, конечно, исполняя супружеские обязанности.

Сама мысль об этом вечернем “ритуале” вызывала тошноту.

С этими тягостными мыслями я приехала на работу. Утренний офис логистической компании “Транс Юж групп” был пуст и тих, лишь где-то вдали журчала кофеварка.

Погруженная в свои тревоги, автоматически потянулась к ручке стеклянной двери. В тот же миг с другой стороны за ручку взялся кто-то другой.

Удар током.

В первые доли секунды я даже не поняла что произошло. Это не было похоже на статический ток или что-то подобное...

Тело отреагировало странно и неожиданно. По жилам разлилась теплая, расслабляющая волна, похожая на прилив крови к замерзшим конечностям, только ощущение было глубже и... приятнее. Физически приятнее.

Подняла взгляд и встретила глазами с Ярославом Алексеевичем. Нашим генеральным. Моим боссом.

Он стоял, сжав свою ладонь, и на его обычно непроницаемом лице читалась та же смесь удивления и легкой неловкости.

“Сатана” в дорогом, идеально сидящем костюме, на секунду выглядел просто мужчиной, которого тоже дернуло током.

– Простите, – почти одновременно сказали мы оба, и эта синхронность добавила неловкости.

Я поспешно опустила глаза, делая вид, что рассматриваю покрасневшую кожу на руке. Тепло внутри уже таяло, уступая место возвращающейся реальности и смущению.

– Неприятная неожиданность, – сухо прокомментировал Богданов, первым оправившись. Его голос снова обрел привычные, отточенные начальственные нотки. – Нужно будет сообщить в ОТ. Проверить заземление. Нельзя допускать таких инцидентов.

Он произнес это как отстраненный менеджер, оценивающий риски для активов компании. Но в его взгляде, скользнувшем по ее лицу, на мгновение мелькнуло что-то еще.

– Вы в порядке? – спросил он, не любопытства ради, а скорее это была быстрая, аналитическая оценка: “она цела? может работать?”.

– Да, я... все нормально, – пробормотала я (а нормально ли?). – Просто испугалась.

– Естественно, – он кивнул, уже отворачиваясь и открывая дверь полностью, жестом приглашая меня войти первой. – Проходите. И просмотрите, пожалуйста, запрос от “Черноморского Карго”, ответьте как-нибудь вежливо, что нас не интересуют морские перевозки ни в этой, ни в следующей жизни! И до совещания в одиннадцать подготовьте документы. Мне нужна выжимка по всем пунктам об ответственности компании-приемщика.

Он прошел в свой кабинет, не оглядываясь. Неловкость рассеялась, но остаточное тепло в руке напоминало о себе еще несколько минут.

Это было странно. За четыре года работы здесь, сначала при его отце, Алексее Игоревиче – человеке старой закалки, но душевном и справедливом, а потом и при Ярославе Алексеевиче, я научилась держать дистанцию.

Богданов-младший был не просто боссом. Он был силой природы, холодной и разрушительной. “Сатана” – прозвище, которое шепотом ходило по офису, идеально ему подходило.

Холодный взгляд, леденящий душу, вечно хмурые черные брови, идеальная стрижка, легкая небритость, полные губы, поджатые в строгую линию, и осанка... Скорее военная выправка – портрет тирана “Транс Юж групп”.

Он увольнял людей без сантиментов, требовал невозможного и держал всех в состоянии перманентного страха.

Меня он терпел только потому, что того требовало условие отца, отошедшего от дел из-за больного сердца.

– Только девочку, мою помощницу чтоб не увольнял, она мое сокровище! – такой был последний наказ Алексея Игоревича.

Я была знаком отцовской слабости, которую новый босс вынужден был уважать.

Но этот миг... этот странный разряд, за которым последовало тепло... Он выбил почву из-под ног. Нарушил незримый, но железный барьер между “личным ассистентом” и

“боссом Богдановым”.

Это было пугающе. Потому что в моем мире, где все было predetermined и подавлено, любая непредвиденная реакция, даже физиологическая, становилась угрозой. Угрозой показать слабинку. Почувствовать что-то.

Я трянула головой, заставив себя сосредоточиться на экране с контрактами. Нужно было работать. Нужно было продержаться до вечера. До бара. До мамы.

А странное тепло в руке я списала на нервы и последствия шока. Не более того.

Работа поглотила с утра с головой. Контракты, письма, звонки разгневанным клиентам “ТрансЮжГрупп” из-за задержек – в этой круговерти некогда было думать ни о визите к Божену, ни о бархатном голосе матери, ни о вечере, который все ближе и страшнее.

Я стала машиной по сортировке дел, и это было благословением. Пока голова занята цифрами и формулировками, в ней не остается места для паники.

Дверь в кабинет приоткрылась, и в щель просунулась веснушчатая физиономия Насти Ладушкиной.

– Каролинчик, ты как там? Выдыхаем! Идем в столовку, на кофе, а то ты позеленела уже, – прошептала она, косясь на дверь кабинета шефа.

Я кивнула, отправив последнее письмо. Пять минут передышки, иначе сойду с ума.

В коридоре к нам присоединилась Маша Зайцева, с помятым от усталости лицом логиста, который только что выгрыз у перевозчика обещание привезти груз “вчера”.

Мы уже шли к лифту, когда из-за угла возник Слава Рожкин. Наш “Грустный Славик”. Он нес ноутбук, прижатый к груди, как щит.

– Девочки, – таинственно начал он, тут же оглянувшись. – Минуточку внимания.

Мы замедлили шаг. Сплетня от Славика часто была единственным развлечением в этом аду.

– Он, – Слава кивнул в сторону кабинета Богданова, – сегодня спалился. У него, кажется, планы грандиозные.

Мы молча ждали, стоя у огромного окна с видом на prom-зону. Настя приподняла бровь.

– Ну? Выкладывай, сладкий Славик, – улыбалась Настя. – Что наш сатана задумал?

Слава поморщился от кличек, но жажда поделиться новостью перевесила.

– У него бархатная красная коробочка. Я заходил с отчетом по серверам, а она у него на столе лежала, рядом с клавиатурой.

– Анжелике, – сразу выдохнула Маша. – Ну, нет! Этой кукле! Я была о нем лучшего мнения!

– Фу, это ее бесячее, “мой чертёнок”! – нахмурилась Настя. – Неужели мы обречены слышать это вечно?

– Как же она будет звать его после свадьбы? Воланд? – задумалась я.

– Я тебя умоляю! – хмыкнула Настя. – Воланд и Булгаков это же не “Гуччи”, она понятия не имеет кто это такие!

– И подписчиков у них нет! – добавил Славик, улыбаясь. Ай, как он любил приносить свежую сплетню!

– Не представляю нашего Богданова на одном колене... – озвучила я очередную мысль.

Но вот на обоих коленях – между моими, разведенными в

стороны, – представила живо и... Ох, черт! Почему? Почему я это вообще представила?!

Мотнула головой, прогоняя непрошенную картинку, мелькнувшую двадцать пятым кадром. Игнорируя тепло, мгновенно разлившееся по телу.

Да что со мной не так?!

Заставила себя вернуть стопроцентное внимание разговору в столовой.

– О, знаете, как это будет! – Настя, отпив кофе, решила изобразить момент и встала передо мной на одно колено, говоря басом: – “Анжелика. Ваши биометрические данные и репродуктивный потенциал представляют интерес. Подпишите здесь!”

Мы тихо хихикнули. Настроение слегка поднималось. Эти люди, Настя, Маша и даже вечно ноющий Слава, были островками ненормальности в моем странном, слишком нормальном мире. Или наоборот. Смотря, что считать за норму.

– А она-то согласится? – задумчиво спросила Маша. – Ей всего двадцать три. Ходить по подиумам в платьях от кутюр и ловить восторженные взгляды – или каждый вечер слушать сводки по доставкам “ТрансЮжГрупп” за ужином?

– Она не дура, – сказала Настя, попивая кофе и заедая уже третьим печеньем (кажется, кое-у-кого от нас секретик, поинтересней личной жизни босса!) – Она с ним уже год. Думаю, расчетливейшая девочка. Он – статус и деньги, которые

не уйдут. У него же личные капиталы ого-го! А она... она – его трофей. Красивый, молодой. Чтобы на людях все оборачивались.

– Каролин, ты чего притихла? – снова начал Славик, понизив голос, – Тебя новость потрясла? Может, у тебя там с боссом что?..

Настя резко ткнула его вилкой в руку.

– Славик, харэ! У Каролины и своих забот полно. Нечего на людей вешать свои домыслы.

Я слабо улыбнулась, поблагодарив Настю взглядом. Слава смущенно замолчал.

Посмотрела на часы. Перерыв заканчивался.

Скоро снова контракты, звонки, ледяной голос начальника и неизбежный вечер.

Но сначала перевоплотиться в Королька, спеть, отвести душу и поехать к маме.

Пятница, привычный маршрут, свернула в знакомый переулок. Остановилась у вывески “Кулинария” и отправила водителя на пару часов. Сама же прошла пару улиц в сторону к кафе “У Тамби”

Старое заведение, принадлежащее другу отца, было единственным местом, где я позволяла себе существовать не как Каролина Мирошникова, а просто как Королёк. Птица, которая не заперта в клетке, а та, которая поёт.

Тамби, грузный, седой мужчина с лицом старого боксера,

лишь кивнул мне, когда я вошла. Зал был уже полон.

В маленькой каморке за кухней, служившей мне гримерской, на вешалке висело несколько сценических платьев – моих перевоплощений из серой офисной мышки в роскошную птицу.

Сегодня я выбрала черное, бархатное, с длинными рукавами. Оно идеально подчеркивало мое настроение – печальное, ушедшее в себя. Я нанесла чуть больше туши, чтобы глаза казались еще глубже, и вышла на миниатюрную, плохо освещенную сцену.

В зале люди ужинали, переговаривались, смеялись. Мой выход никто не анонсировал. Я просто взяла микрофон, включила музыку и начала петь. Тихо, для себя.

Старые лирические песни, которые любила с детства, которые пела еще папе. О любви, которая не случилась, о дорогах, которые не выбраны, о тихой грусти, что сидит в уголке души.

Потом зазвучала мелодичная восточная песня – для мамы, для Лалы Демидовны, чтобы хоть этим передать ей свою тоску.

Сначала в зале еще слышался звон приборов, сдержанные голоса. Но постепенно наступила тишина.

Я закрыла глаза и отдалась музыке целиком. В ней была вся моя скорбь. Скорбь по свершившимся мечтам стать просто счастливой. Женой – не украшением и не служанкой. Матерью – а не биологическим проектом, терпящим фиаско.

Я оплакивала ту девушку, которой могла бы быть.

Когда последняя нота затихла, я открыла глаза. В зале была абсолютная тишина.

А потом аплодисменты. Громкие, искренние. Несколько человек даже встали.

Мой любимый, редкий, драгоценный момент, когда твою боль не только услышали, но и приняли. На мгновение стало легче дышать.

В примерке я посидела, еще вся во власти странного катарсиса, когда постучали. Вошел Тамби с огромным, шикарным букетом белых роз и фрезий.

– Опять тебе, Каролуш. Тот же посыльный, – пробурчал он, ставя цветы на стол. – Твой поклонник методичный как метроном!

Я кивнула. Анонимный поклонник дарил цветы после каждого моего выступления вот уже больше трех лет. Никогда не было ни записок, ни намеков. Просто роскошные, безупречные букеты. Я давно перестала гадать, кто это, списав на чью-то тихую, далекую симпатию.

Но сегодня среди стеблей и зелени что-то увидела.

Я осторожно раздвинула цветы. Среди них лежала небольшая бархатная коробочка глубокого, сочного красного цвета.

Сердце почему-то екнуло.

– Что? – голос перешел на шепот.

Я открыла ее.

Внутри, на черном бархате, лежал кулон. Крошечная, изящно выполненная птичка-королек из желтого золота, с изысканной проработкой перышек. Она висела на тончайшей золотой цепочке.

Простое, но невероятно изящное и дорогое украшение. К нему была приколата маленькая, сложенная записка.

Дрожащими пальцами я развернула ее.

Почерк был уверенным, четким, мужским.

“Пусть этот скромный подарок всегда будет принадлежать Вам, как и мое сердце. Ваш вечный покорный слуга, ваш Я.”

Я. Просто буква.

Я долго смотрела на нее, пытаюсь понять. Может, это местоимение? “Ваш Я”? Звучало вычурно, но почему бы и нет?

И тут, будто ледяная волна, накатило осознание. Оно ударило не в голову, а прямо под дых. Осела на стул, ноги меня не держали.

Там ведь была точка. После “Я”. А значит, возможно это...

...инициал. Инициал имени.

“Я”. Ярослав!

Красная бархатная коробочка. Такая же, как та, что сегодня утром лежала у него на столе. Про которую сплетничал Славик.

Я думала – кольцо для Анжелики. Все думали – кольцо. Но это была не коробка для кольца. Она была для кулона.

Для птички-королька.

– Черт возьми. Черт возьми!

Я откинулась на стул, схватившись за голову. Три года цветов. Три года тихого, анонимного внимания. Его ледяные глаза на совещаниях. Его безжалостные приказы. Его прозвище “Сатана”, которое он, кажется, всячески культивировал.

И его взгляд сегодня утром, когда нас ударило током. Не просто оценка сотрудника. В нем было что-то еще, что я отказалась признать. Всегда отказывалась признавать.

А этот кулон...

Он не был вычурным или пафосным. Он был тонким, личным. Птичка-королек – самая маленькая, но отважная. Он что, видел это во мне? Ту, что поет в темноте о своей боли?

Мир перевернулся. Стены гримерки поплыли. Мой босс. Ярослав Богданов. Мой “вечный покорный слуга” и тайный поклонник?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.